

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

Е. В. Бойкова

**ОБ ОДНОЙ НЕУДАЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛИЮ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)**

В Российском Государственном военно-историческом архиве (ВИА) хранятся материалы, озаглавленные «Об экспедиции А. Г. Белинского по Монголии» (ф. 400, оп. 1, д. 3688 *). Кто такой был Александр Григорьевич Белинский и что это за экспедиция, о которой ничего не известно в научном монголоведении?

Экспедиция началась осенью 1907 г. и считалась научной. Сам Белинский называл экспедицию торговой. В ее состав входили штабс-капитан запаса Бунин, крестьянин Барнаульского уезда А. Н. Котельников, купец Н. Б. Калгаманов. Как отмечал член экспедиции Н. Б. Калгаманов в записке от 24 марта 1908 г. начальнику Штаба Омского военного округа (фактически это были письменные показания о деятельности экспедиции), Белинский называл себя начальником торгово-промышленной экспедиции, целью которой было исследование на месте, то есть в Монголии, русских торговых операций и нужд монголов (ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 10, 13) ** .

В действительности денег у начальника экспедиции на проведение каких-либо исследований в Монголии не было, хотя он всем говорил, что на экспедицию ассигновано 10 000 рублей. По словам Белинского, Министерство торговли и промышленности России очень интересовалось

* Начато 01.03.1908, окончено 02.03.1915.

** Далее по тексту ссылки на данные материалы ограничиваются указанием листов дела.

положением русской торговли в Монголии и хотело устроить в Кош-Агаче торговые склады. Однако эти объяснения были лишь прикрытием истинных целей Белинского.

По словам участников экспедиции, А. Г. Белинский всем говорил, что он имеет «личное поручение Государя предпринять попытку организовать восстание монголов против китайцев». Он заявлял, что «хочет устроить самостоятельное Монгольское ханство» и что государь согласился на его попытку (л. 13 об.). Не предполагая, как будут развиваться события в дальнейшем, Н. Б. Калгаманов посоветовал Белинскому для этой цели воспользоваться именем Амурсаны, «которого монголы ждут, как магометане Махди».

По словам Бунина, Белинский предполагал начать экспедицию с Алтая и хлопотал перед правительством о командировании горного инженера и назначении ему правительственной субсидии. Во время подготовки экспедиции Бунин встречал у Белинского правительственных чиновников «из какого-то министерства» (л. 9). По-видимому, Белинскому удалось уговорить правительственных чиновников согласиться с идеей организации подобной поездки, и в конце июня 1907 г. он пригласил Бунина в экспедицию на Алтай, а затем в Монголию. Вероятно, речь шла и о выделении каких-то сумм, потому что Белинский возмущался тем, что Главный штаб и Министерство торговли и промышленности задерживают деньги. РГО отказалось выдать ему 10 000 рублей под предлогом отсутствия денег. О том, что Белинский не сумел найти денег на экспедицию, свидетельствовал тот факт, что он занимал в дороге деньги у Бунина, а также закладывал вещи (л. 9 об.).

Экспедиция направлялась через Барнаул и Змеиногоorsk в станицу Чарышскую. Только в пути Белинский сообщил Бунину, что цель его поездки не Алтай, а Монголия. Его основной целью было подготовить восстание в Монголии. По его словам, он говорил об этом с государем, и тот сказал: «Работайте, но не накуролесьте» (л. 9 об.).

Еще в Кош-Агаче Белинский начал говорить о необходимости создания торгово-промышленного синдиката, над проектом которого он якобы думал заранее. В Улясутае Калгаманов активно взялся за реализацию этого проекта — по глубокому убеждению, что это единственно возможный способ спасти русскую торговлю в Монголии,

находившуюся в то время в довольно плачевном состоянии. Что же касалось поставленной Белинским главной цели экспедиции — поддержки восстания монголов, то участники экспедиции предприняли несколько осторожных разведок, которые «давали надежду на несомненный успех, но не в близком будущем» (л. 9 об.). Однако Белинский пытался всемерно ускорить развитие событий. Поэтому Бунин и Калгаманов решили не переводить монголам всего, что говорил Белинский, так как его «дикость, необузданность и неразвитость могли привести к скорой развязке в худшую сторону» (л. 9 об.).

По мере того как экспедиция продвигалась, Бунин все больше удивлялся тому, каким образом Белинский мог убедить кого-то в Петербурге, что он в силах что-то реально сделать в Монголии. Бунин считал его «смелым авантюристом, который обманул правительство и всех нас». Все более явно в экспедиции назревал серьезный скандал. В Улангоме Белинский довел дело до того, что монгольские рабочие взбунтовались, и все закончилось мирно только благодаря Калгаманову, уладившему все проблемы.

Однако, несмотря на внутренние проблемы, то и дело возникавшие в экспедиции, внешне все выглядело достаточно благополучно. Экспедиция прибыла в Улясутай в декабре 1907 г. Российский консул в Улясутае отнесся к Белинскому, который объявил ему, что целью экспедиции является организация в Монголии Русского синдиката, субсидируемого российским правительством, с полным доверием и даже называл его генералом. Было проведено собрание русских купцов, которые вели торговлю в Монголии; они высказались за создание такого синдиката, который помог бы наладить российскую торговлю в этой стране. В Улясутае Белинский неоднократно встречался с цзянь-цзюнем, амбанем, Джалхандза-гэгэном.

Как сообщал командующий войсками Омского военного округа генерал-лейтенант Надаров в шифротелеграмме № 322 от 15 марта 1908 г., отправленной начальнику Главного штаба и начальнику Генерального штаба, агитация А. Г. Белинского «имеет успех и может вызвать серьезные недоразумения с Китаем» (л. 2). Успех вскружил голову Белинскому. Как отмечал Бунин, «началось какое-то сплошное, безумное разгулье дикого человека, вырвавшегося на волю: от того лишь, что его не выезжали встре-

чать за несколько верст от стоянки чиновники, он приходил уже в дикое бешенство...» (л. 11). В Байтехе (так в документе. — *Е. Б.*) Белинский, «уже не стесняясь говорил с монголами о неповиновении Китаю под покровительством России, причем всюду, где даже было совершенно излишне, упоминался Ваган [Цаган] Хан (Белый Царь)» (л. 11). В то время как Белинский занимался решением «политических проблем», Котельников пытался выполнить поручения, касавшиеся закупки товаров.

Белинский щедро раздавал монголам обещания, что Россия поможет им оружием и деньгами, хотя гарантировать исполнение своих обещаний он, конечно же, не мог. Так, например, Джалхандза-гэгэну, который был крайне популярен в Монголии, для уплаты долгов было обещано 5000 руб., в хурэн Ло-гуна — серебряный котел, лошади и пр., а также, конечно, оружие. Вначале Бунин и Котельников «сделали несколько попыток вывезти из Монголии этого обезумевшего человека, но все рушилось через день» (л. 11 об.).

Подозревая, что Белинский не имеет полномочий от царя, и понимая, что уговорить его не афишировать свои цели в Монголии не удастся, Бунин и Котельников решили уехать из экспедиции. Однако Белинский не хотел их отпускать, видимо, понимая, что в одиночку он не сможет что-либо предпринять для достижения своих целей. Не видя выхода из создавшегося положения, Котельников, Бунин и один российский рабочий бежали из экспедиции, уведя с собой 3 лошадей. Бунин высказывал самое серьезное опасение, что Белинский действительно может объявить себя Амурсаной, «и тогда крупные осложнения неизбежны, тем более что китайцы его знают как человека, командированного самим государем» (л. 11 об.).

Как сообщал в секретной телеграмме № 222 от 24 апреля 1908 г. титулярный советник Долбежев, согласно собранным им секретным сведениям, «Белинский во время обратного проезда от Улясутая до русской границы секретными переговорами с некоторыми монгольскими властями, стараясь расположить к себе монголов, затрагивал весьма неуместный вопрос о возможности освобождения монголов от китайцев» (л. 21). Ситуация вокруг экспедиции складывалась таким образом, что если поначалу государственные учреждения и организации хотя и не помога-

ли, но не мешали Белинскому в ее проведении, то по мере того как он стал открыто говорить о своих планах в Монголии, Министерству иностранных дел России и Генеральному штабу пришлось решать многие проблемы, возникшие в результате пребывания экспедиции в Монголии. По мере разбирательства стало ясно, что никто не знает наверняка, кем был командирован в Монголию Белинский.

Причастные к экспедиции люди видели один выход из создавшегося положения — «парализовать Белинского, выставив его перед монголами и китайцами за сумасшедшего», и тогда сами монголы доставили бы Белинского в Россию. Основная проблема заключалась в том, что все свои деяния Белинский совершал от имени российского государя, много обещал и ничего не был в состоянии выполнить, хотя, как считал Бунин, уплата долгов Джалхандза-гэгэна уже могла бы многое исправить.

Пока мы не имеем возможности точно определить сроки пребывания экспедиции в Монголии. Судя по сообщению Долбежева, Белинский отправился в обратный путь из Монголии в Россию в январе 1908 г. Однако в обращении Азиатской части Главного штаба МО в полицейское управление Петергофа, датированном 30 апреля 1914 г., речь идет о том, что в 1912 г. Белинский находился в Монголии и выдавал себя за начальника торгово-промышленной экспедиции. 17 февраля 1914 г. Белинский переехал из Павловска в Петербург, а 14 марта того же года — в Москву. Там его следы теряются.

Итак, экспедиция, которая формально состоялась и которая таковой фактически не была. Ее руководитель Белинский — энтузиаст или авантюрист, «за успех ручавшийся головой» (л. 17 об.), скорее всего, сам себя и назначил начальником. Во всяком случае, при том, что экспедиция продвигалась по Монголии и добралась, по меньшей мере, до Улясутая (точных данных о ее маршруте в документах не содержится), по сути, она не имела видимых результатов — ни научных, ни практических. Хотя можно сказать, что один результат — отрицательный — все же был: не скрывая своих намерений поднять монголов на восстание против китайцев, Белинский в первую очередь наносил вред тем монголам, которые с пониманием отнеслись к его идее. И, несомненно, активная «революционная» деятельность Белинского наносила вред отношениям между Россией и Китаем.

B. V. Boikova

**AN UNSUCCESSFUL EXPEDITION TO MONGOLIA
(ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN
STATE MILITARY-HISTORICAL ARCHIVE)**

The Russian State Military-Historical Archive contains materials under the heading «On the expedition of A. G. Belinskii to Mongolia» (arch. 400, inv. 1, item 3688*).

Who was Aleksandr Grigor'evich Belinskii and what was this expedition, of which we learn nothing from academic Mongolian studies?

The expedition began in autumn 1907 and was considered scholarly. Belinskii himself term the expedition «commercial».

According to participants in the expedition, A. G. Belinskii told everyone that he had «personal instructions from the Ruler to undertake an attempt to organize an uprising of the Mongols against the Chinese».

The expedition made for the stanitsa of Charishskaia through Barnaul and Zmeinogorsk.

The expedition arrived in Ulyasutai in December, 1907. Belinskii announced to the Russian consul in Ulyasutai that the expedition's aim was to organize in Mongolia a Russian syndicate subsidized by the Russian government. The consul responded by granting Belinskii his full trust, even terming him a general. Russian merchants who traded in Mongolia were gathered together; they spoke out in favor of creating such a

* Begun on 01.03.1908, ended on 02.03.1915.

syndicate, which would help to ease the way for Russian trade there.

Circumstances surrounding the expedition took shape in such a fashion that, while state institutions and organizations at first did not hinder Belinskii, even if they may not have helped him, as Belinskii began to speak openly of his plans in Mongolia, the Russian Ministry of Foreign Affairs and the General Staff were compelled to solve numerous problems which arose as a result of the expedition's presence in Mongolia. As they investigated the matter, it became clear that no one knew for certain who had sent Belinskii to Mongolia.

Those involved in the expedition saw only one way out of the dilemma: «paralyze Belinskii by presenting him to the Mongols and Chinese as a madman», after which the Mongols themselves would deliver Belinskii to Russia.

It is not possible at present to determine the exact dates of the expedition's stay in Mongolia.

The expedition produced neither scholarly nor practical tangible results. But one result, if a negative one, was achieved: by failing to conceal his intention of raising a Mongol uprising against the Chinese, Belinskii harmed primarily those Mongols who reacted favorably to this idea. Furthermore, Belinskii's energetic «revolutionary» activities harmed relations between Russia and China.
